

Гурнутин В.
Колыбель для невидимки

'12 АПР 19--

~~моя~~ хорошая девочка
прости

18+

Гурнутин Владимир

Колыбель для неведимки

<https://litres.ru/73977791>

SelfPub; 2026

Аннотация

Часть 1. Переезд

Анна возвращается в старый дом, доставшийся от матери. С ней — трёхлетний Матвей, её единственная надежда. Она клянётся: на ней родовая цепь оборвётся. Она не станет такой, как мать. Не станет такой, как бабушка.

Но дом не хочет быть просто домом. Часы показывают 3:07. Из подвала доносится лязг цепи. В зеркалах мелькает тень женщины с портрета — Веры, которая полвека назад заперла сына в подвале, веря, что спасает его. Матвей рисует дверь и шепчет: «Би-би там темно. Он хочет выйти». Голос умершей матери звучит в голове Анны: «Ты слабая. Отдай его мне».

Запах лаванды стучается каждый раз, когда Анна срывается на сына — и с ужасом узнаёт в себе мать. Чтобы разорвать круг, ей придётся спуститься в подвал и посмотреть в глаза прошлому. Потому что дом хранит тайну трёх поколений. И правда окажется страшнее любых призраков.

Содержание

ЧАСТЬ 1. ПЕРЕЕЗД	4
Глава 1	4
Глава 2.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Колыбель для неведимки

ЧАСТЬ 1. ПЕРЕЕЗД

Глава 1

Анна стояла перед домом и чувствовала, как прошлое дышит ей в затылок. Двухэтажный, с облупившейся охристой краской и тёмной черепичной крышей, он нависал над ней, словно немой укор. Окна — тёмные, глубоко посаженные — смотрели на неё с тем выражением, которое она слишком хорошо знала: «Ты опять всё делаешь неправильно». Матвей сжал её ладонь. Его пальцы были тёплыми и немного липкими — в машине он ел печенье. Анна опустила взгляд на сына. Тот, приоткрыв рот, разглядывал дом с тем сосредоточенным любопытством, которое бывает только у трёхлетних детей. — Ну вот, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Наш новый дом. Матвей ничего не ответил. Анна снова подняла глаза на фасад. Четырнадцать лет. Четырнадцать лет она не была здесь. С тех пор как уехала в город, поступила в институт, вычеркнула из жизни этот адрес и всё, что с ним связано. Она думала — навсегда. Но мама умерла. А дом остался. «Это наследство от мамы. Я не хотела его. Но теперь это мой шанс начать всё сначала. Я не стану такой,

как она. Я буду другой матерью», — мысль прозвучала в голове как заклинание. Анна повторяла его себе каждое утро последние полгода — с тех пор, как получила свидетельство о наследстве и поняла, что им с Матвеем больше некуда идти. Квартира в городе стоила слишком дорого. Алиментов от бывшего мужа не было уже восемь месяцев. А тут — целый дом. Пусть старый, пусть в глуши, но дом. Бесплатный. — Би-би там, — сказал Матвей. Анна вздрогнула. — Что? Она посмотрела на сына. Тот поднял пухлый пальчик и указал на окно второго этажа — крайнее слева, то самое, где когда-то была комната Елены. — Би-би, — повторил Матвей с интонацией, не допускающей возражений. Анна улыбнулась. Улыбка вышла натянутой. — Нет там никакого би-би, солнышко. Там просто темно. Она хотела добавить что-то ещё, но слова застряли в горле. Потому что Матвей не знал этого слова. Она никогда не называла при нём машину «би-би». Дома они говорили «машина». В садике, до того как денег перестало хватать, говорили «автомобиль». Откуда он взял «би-би»? Матвей опустил руку и снова устался на дом. Анна почувствовала, как где-то глубоко, под диафрагмой, зарождается холодный комок. Она прогнала его усилием воли. «Это просто ребёнок. Дети придумывают слова. Это ничего не значит». Из-за поворота показался автомобиль риелтора — серебристый седан, слишком чистый для здешних просёлочных дорог. Виктор Сергеевич, мужчина лет пятидесяти с ухоженной бородкой и въедливым взглядом, припар-

ковался у покосившегося забора и вышел, отряхивая невидимую пыль с рукавов. — Анна Дмитриевна, добрый день! — он широко улыбнулся. — Добрались? Дорога, конечно, та ещё... — Добрались, — кивнула Анна. — Спасибо, что согласились встретиться в субботу. — Для вас — с удовольствием, — риелтор достал ключи. — Ну что, пойдёмте? Дом, конечно, требует руки, но для тех, кто не боится труда, это настоящая жемчужина. Дореволюционная постройка, между прочим. Сохранилась оригинальная лепнина... Он говорил что-то ещё, но Анна не слушала. Она смотрела, как ключ поворачивается в замочной скважине — старый, массивный ключ с бороздками по бокам. Точно такой же висел на связке у матери. Анна помнила, как в детстве этот ключ казался ей волшебным — он открывал дверь в дом, где всегда пахло лавандой и где мама ждала её из школы. Пахло лавандой. Мама ждала. И смотрела тем самым взглядом. Дверь со скрипом отворилась. Запах ударил в нос мгновенно — сладковатый, травянистый, удушающий. Лаванда. Анна замерла на пороге. Прошло полгода. Дом стоял закрытым. Откуда? — Запах затхлости, — прокомментировал Виктор Сергеевич. — Старые дома все грешат вентиляцией. Проветрите пару дней, и пройдёт. Анна не стала спорить. Она сделала шаг внутрь. Прихожая была просторной, с высоким потолком и старой деревянной лестницей, уходящей на второй этаж. Ступени жалобно скрипнули, когда Матвей наступил на нижнюю. Справа темнела арка в гостиную, слева — дверь

на кухню. И везде — пыль, паутина, запустение. Но не это заставило Анну замереть. На стене, прямо напротив входа, висел портрет. Женщина в тёмно-синем платье с высоким воротником. Строгие черты лица, тёмные волосы, убранные в пучок. И глаза — тёмные, глубокие, смотрящие прямо на вошедшего. Вера Николаевна. Её бабушка. Мать Елены. Анна никогда не видела её живой. Только на фотографиях. И вот теперь — портрет, написанный маслом, в тяжёлой золочёной раме. Краски потемнели от времени, но взгляд остался прежним — пронзительным, оценивающим. — Это бабушка? — спросила Анна тихо. Риелтор проследил за её взглядом. — Полагаю, да. Предыдущая владелица... ваша матушка... не разрешала его снимать. Дом продаётся с обстановкой, так что портрет — часть интерьера. Если захотите убрать, это ваше право. «Не разрешала снимать», — Анна вспомнила. Однажды, когда ей было лет двенадцать, она спросила у матери: «Почему у нас висит портрет бабушки, а у других нет?» Елена тогда поджала губы и ответила странно: «Потому что она должна видеть». Видеть что? — Мама, — позвал Матвей. Он стоял у подножия лестницы и смотрел вверх. — Что? — Там би-би. Анна подошла к сыну и взяла его за руку. — Солнышко, там никого нет. Пойдём, посмотрим кухню. Она повела его к левой двери, стараясь не оглядываться на портрет. Но спиной она чувствовала взгляд Веры Николаевны — тот самый, что преследовал её мать, а теперь, кажется, начинал следить и за ней. Кухня оказалась просторной, с

большой печью и окном в сад. Мебель старая, добротная: дубовый стол, буфет с резными дверцами, полки с банками, содержимое которых давно превратилось в пыль. На подоконнике стоял горшок с высохшей геранью. — Плита газовая, баллон в подполе, — комментировал Виктор Сергеевич. — Вода из скважины, насос новый, поставили два года назад. Отопление печное, но можно провести электрическое. Анна открыла кран. Вода потекла ржавая, но быстро очистилась. Она набрала в ладони и плеснула в лицо. Холодная, чистая. — Вы говорили, что дом принадлежал вашей семье? — риелтор заглянул в блокнот. — Ваша матушка была единственной наследницей? — Да, — Анна вытерла лицо рукавом. — Бабушка умерла, когда маме было пять лет. Маму удочерила другая семья. А дом... он просто стоял. Мама вернулась сюда, когда выросла. — Странно, что вы не знали о бабушке, — заметил Виктор Сергеевич. — Елена Николаевна никогда не рассказывала? Анна покачала головой. — Она не любила говорить о прошлом. Это было не совсем правдой. Мать вообще не любила говорить с Анной — только оценивать, критиковать, поправлять: «Ты не так сидишь», «Ты не так ешь», «Ты не так дышишь». Разговоры о бабушке были табу. Однажды, когда Анна спросила, почему у них нет бабушки, как у других детей, Елена побледнела и вышла из комнаты. А ночью Анна слышала, как она плачет в своей спальне. Больше Анна не спрашивала. — Я слышал, что Вера Николаевна была женщиной... с причудами, — осторожно произнёс ри-

елтор. — Местные старожилы помнят, что она редко выходила из дома и не пускала к себе никого. Даже участкового не открывала. — Откуда вы знаете? — Я готовился к сделке, — Виктор Сергеевич улыбнулся. — Люблю знать историю объектов. Вдруг покупатели спросят. Анна хотела спросить ещё что-то, но с улицы донёлся голос Матвея. Она выглянула в окно: сын стоял посреди заросшего двора и смотрел на чердачное окошко. — Би-би! — звал он. — Выходи! В проёме чердака что-то мелькнуло. Анна зажмурилась, открыла глаза — ничего. Только пыльная занавеска колыхнется от сквозняка. «Сквозняка. Это просто сквозняк», — она вышла во двор, подхватила Матвея на руки. — Пойдём в дом, солнышко. Холодно. — Там би-би, — сказал Матвей, тыкая пальцем в чердак. — Нет там никого. — Есть. Он говорит, что ты плохая. Анна замерла. — Что? — Би-би говорит, ты плохая мама, — повторил Матвей спокойно, будто речь шла о погоде. Анна прижала сына к себе. Сердце колотилось где-то в горле. — Кто тебе это сказал? — повторила она, стараясь говорить спокойно, но голос всё равно дрогнул. — Би-би, — терпеливо объяснил Матвей, как будто объяснял очевидное. — Он там, на чердаке. Говорит, что ты плохая мама и что мы должны уехать. А если не уедем, он придёт к нам ночью. У Анны по спине пробежал ледяной озноб. Она крепче сжала плечи сына, пытаясь унять дрожь. — Послушай меня внимательно, — она опустила на корточки, чтобы смотреть Матвею в глаза. — Нет никакого би-би. Это просто ве-

тер, старые доски скрипят, дом старый, вот и кажется всякое. Поняла? Матвей серьёзно кивнул, но в его взгляде читалось сомнение. — Ладно, — тихо сказал он. — Но если он придёт, я тебя разбужу. Анна заставила себя улыбнуться. — Конечно, разбудишь. А теперь пойдём укладывать тебя спать. Она взяла Матвея за руку и повела обратно в дом. В прихожей она на мгновение остановилась, бросив взгляд на портрет Веры Николаевны. В полумраке глаза бабушки словно сверкнули — или это просто отблеск уличного фонаря через окно? Анна тряхнула головой и поспешила наверх, в детскую. Уложив Матвея, она подоткнула одеяло, поцеловала его в лоб и подождала, пока дыхание сына станет ровным и глубоким. Только тогда она вышла из комнаты и спустилась вниз. В гостиной было темно. Анна щёлкнула выключателем — лампочка мигнула и загорелась тусклым светом. Она подошла к портрету. Теперь, при более внимательном рассмотрении, она заметила детали, которых не видела раньше: едва заметную морщинку у уголка губ, странный изгиб бровей. Лицо Веры Николаевны казалось одновременно строгим и... печальным? Анна отступила на шаг. «Это просто картина. Просто краски на холсте. Бабушка умерла задолго до моего рождения. Она не может мне навредить». Но в глубине души шевельнулось что-то тревожное. Воспоминания детства всплывали одно за другим: странные шёпоты за стеной, тени в углах комнат, ощущение, будто кто-то следит за тобой. Мама всегда говорила, что это воображение разыгра-

лось. Но что, если нет? За спиной раздался скрип половицы. Анна резко обернулась. Пусто. Только тени пляшут на стенах от качающейся лампы. Она подошла к окну и выглянула во двор. Заросший сад, покосившийся забор, старый сарай в глубине участка. Всё выглядело так, как и должно выглядеть в заброшенном доме. Но что-то было не так. Что-то неуловимое, будто воздух стал гуще, тяжелее. Внезапно в подвале снова лязгнула цепь — на этот раз громче, отчётливее. Анна замерла, вцепившись в подоконник. Звук повторился, теперь уже ближе, будто кто-то тащил цепь по полу прямо к двери. Сердце застучало чаще. Анна медленно повернулась к двери в подпол. Задвижка чуть подрагивала, словно кто-то пытался её сдвинуть изнутри. — Прекрати, — прошептала она. — Это не смешно. Ответа не последовало, но лязг прекратился. Вместо него послышался тихий, едва уловимый звук — будто кто-то провёл ногтями по дереву. Анна сделала шаг назад, потом ещё один. Паника подступала к горлу, но она заставила себя собраться. «Нужно проверить. Нужно убедиться, что там никого нет. Это просто старый дом, старые механизмы, ничего больше». Схватив настольную лампу со стола, она направилась к двери в подвал. Рука дрожала, когда она потянулась к задвижке. Глубоко вдохнув, Анна отодвинула засов и резко распахнула дверь. Из темноты пахнуло холодом и лавандой — ещё сильнее, чем раньше. Лампочка в лампе мигнула и погасла. Анна отпрянула, но что-то скользкое и холодное коснулось её лодыжки. Она вскрикнула и отпрыгну-

ла назад, споткнулась о ковёр и упала. В тот же миг наверху снова заплакал Матвей. Не раздумывая больше, Анна вскочила на ноги, захлопнула дверь в подвал и бросилась наверх. В детской Матвей сидел в кроватке, глаза широко раскрыты, по щекам текли слёзы. — Мама! — он протянул к ней руки. — Там би-би! Он стучал в дверь! Анна схватила сына на руки, прижала к себе. — Всё хорошо, — шептала она. — Я здесь. Я с тобой. Никто тебя не обидит. Она покачивала Матвея, гладила по голове, но сама не отрывала взгляда от двери. Где-то внизу снова лязгнула цепь. И на этот раз звук был совсем близко — будто уже на лестнице.

Глава 2.

Утро встретило Анну тишиной — той особенной, ватной тишиной, какая бывает только в старых домах, стоящих далеко от дорог. Ни гула машин, ни соседского радио, ни хлопанья дверей. Только ветер за окном да редкое поскрипывание половиц где-то наверху. Матвей спал, раскинув руки. Одеяло сползло на пол. Анна поправила его и несколько секунд стояла, глядя на сына. Во сне он казался младше — беззащитный, трогательный, с полуоткрытым ртом и влажными ресницами. «Он говорит, что ты плохая мама». Вчерашние слова резанули память. Анна тряхнула головой, отгоняя неприятный осадок. Мало ли что болтают дети? У Матвея богатое воображение — воспитательница в садике говорила, что это признак развития. Он выдумывает друзей. Это нормально. Она спустилась на кухню. Свет снова работал: вчерашнее отключение оказалось просто перегоревшей пробкой. Анна нашла щиток в прихожей, подняла рычажок. Лампа под потолком зажглась, мигнула и засияла ровным желтоватым светом. «Старая проводка. Вот и всё объяснение. Никакой мистики», — подумала она. Анна поставила чайник. Газовая плита зажглась с третьей попытки: синее пламя лизнуло закопчённое дно старого эмалированного чайника. Анна достала из сумки растворимый кофе — единственную роскошь, которую она позволяла себе даже в самые труд-

ные времена. Пока закипала вода, она осмотрела кухню при дневном свете. Вчерашняя тревога казалась глупой. Обычная кухня: старый буфет с выцветшими салфетками на полках, печь с чугунной дверцей, окно в сад, заросший до состояния маленьких джунглей. И запах лаванды. Он не исчез. Он стал слабее, но всё равно витал в воздухе — тонкий, цветочный, чуть горьковатый. Анна открыла окно, впуская сырой сентябрьский воздух. Запах не ушёл. Казалось, он просочился в стены, в дерево, в самую ткань дома. Чайник засвистел.

После завтрака Анна занялась разбором вещей. Чемоданы стояли в гостиной, распахнутые, словно голодные рты. Она раскладывала одежду, книги, игрушки, стараясь занять руки и не давать мыслям разбредаться. Матвей сидел за столом и рисовал. Это было его любимое занятие. Он мог проводить с карандашами часы, высунув язык от усердия. Раньше он рисовал солнышки, домики, машинки — обычную детскую мазню. Но в последние недели его рисунки изменились. Анна заметила это ещё в городе: каракули стали чёткими, линии — уверенными, фигуры — узнаваемыми. Сейчас он снова склонился над листом, зажав в кулачке чёрный карандаш. — Что рисуешь? — спросила Анна. — Тётю, — не поднимая головы, ответил Матвей. — Какую тётю? — Которая запирает дверь. Анна отложила стопку футболок и подошла к столу. На листе действительно была женщина: длинное платье, высокий воротник. И дверь — тяжёлая, обитая железом, с массивной задвижкой. Точь-в-точь дверь в подвал.

— Откуда ты знаешь эту дверь? — тихо спросила Анна. — Я видел. — Когда? — Ночью. Она приходила. Стояла у кровати и смотрела. У Анны похолодели пальцы. — Солнышко, тебе приснилось. Это был сон. — Нет, — Матвей покачал головой. — Я не спал. Она стояла и говорила. — Что говорила? — Что ты неправильно меня кормишь. И что я должен быть в подвале. Анна опустила на корточки рядом с сыном. Взяла его за плечи, заглянула в глаза — светлые, прозрачные, совсем не сонные. — Матвей, послушай меня. Никакой тётки здесь нет. Это наш дом. Здесь только ты и я. Понимаешь? Матвей посмотрел на неё долгим взглядом. Потом кивнул и снова склонился над рисунком. — Она ещё придёт, — сказал он буднично. — Она всегда приходит, когда ты злишься. Анна выпрямилась. Сердце колотилось где-то в горле. «Когда ты злишься». Она действительно злилась вчера: на риелтора с его въедливыми вопросами, на дом с его запахом и скрипами, на себя — за то, что привезла сына в эту дыру. Она стояла у окна и сжимала кулаки, думая о том, как несправедлива жизнь. Матвей спал наверху. Он не мог её видеть. Не мог. — Давай порисуем вместе, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Нарисуем солнышко? Или зайчика? — Я хочу нарисовать Би-би, — сказал Матвей. И снова склонился над листом.

К вечеру Анна разобрала большую часть вещей. Гостиная постепенно приобретала жилой вид: книги на полках, диванные подушки на старом диване, ноутбук на журнальном сто-

лике. Она поймала слабый Wi-Fi-сигнал откуда-то от соседей — уже победа. Матвей съел макароны с сосиской и теперь играл на ковре с пластмассовым грузовиком. Анна пила чай и просматривала на телефоне вакансии. Нужно было искать удалённую работу: в город не наездишься, а жить на остатки сбережений выйдет месяца два, не больше. За окном стемнело. Ветер усилился. Старый дом отвечал ему протяжными стонами и скрипами. Где-то наверху хлопнула форточка. — Я закрою, — сказала Анна вслух. — Сиди здесь. Она поднялась на второй этаж. Коридор был длинным и тёмным: лампочка наверху перегорела ещё при матери, а заменить Анна не успела. Она шла на ощупь, касаясь стены. Обои под пальцами были шершавыми, местами отклеившимися. Комната Елены — бывшая спальня матери — находилась в конце коридора. Анна толкнула дверь. Порыв ветра ударил в лицо. Форточка действительно была распахнута. Анна шагнула к окну и вдруг замерла. Прямо напротив неё стояло зеркало. Старое, в тёмной деревянной раме, с мутным стеклом, подёрнутым патиной времени. Анна помнила его с детства: оно всегда висело в комнате матери. Елена подходила к нему каждое утро, поправляла причёску, подкрашивала губы. А потом долго смотрела в своё отражение, будто пыталась кого-то в нём разглядеть. Сейчас в зеркале отражалась сама Анна — растрёпанная, бледная, в мятой футболке и джинсах. И кто-то ещё. Она обернулась. Никого. Снова посмотрела в зеркало. Только она. Только комната. Только форточ-

ка, которую нужно закрыть. «Показалось», — решила Анна. Она закрыла форточку, задвинула шпингалет. И тут заметила на подоконнике что-то белое. Альбом. Старый фотоальбом в потрёпанном кожаном переплёте. Анна взяла его. Открыла первую страницу. Чёрно-белые фотографии. Пожелтевшие, с обтрёпанными уголками. Вот дом — тот самый, только моложе, с необлупившейся краской и аккуратным палисадом. Вот женщина в длинном платье стоит на крыльце — Вера Николаевна. Лицо строгое, губы сжаты в тонкую линию. На руках у неё маленькая девочка в белом платьице. Елена. Анна перевернула страницу. Ещё одно фото: девочка постарше, лет четырёх. Стоит у дома, держит за руку какого-то мальчика. Мальчик маленький, худой, в странном старомодном костюмчике. Лицо мальчика размыто. Анна поднесла альбом ближе к глазам. Размыто — не так, как бывает при плохой фокусировке. Скорее, изображение было намеренно испорчено: зацарапано? Замазано? Она перевернула ещё несколько страниц. Фотографии Веры. Фотографии дома. И ни одного снимка Елены старше пяти лет. Только Вера — одна, на крыльце, в саду, у той самой двери в подвал. На последней странице альбома была фотография, от которой у Анны перехватило дыхание. Вера стоит в подвале. В руке у неё свеча. За спиной — та самая цепь, свисающая со стены. А на лице — выражение, которое Анна не могла описать иначе, как торжествующее. На обороте — надпись аккуратным почерком: «Я спасла его. Он в безопасности».

Ночью Анна долго не могла уснуть. Лежала в старой родительской спальне, слушала дыхание Матвея (кроватьку поставили пока здесь) и думала о фотографиях. О размытом лице мальчика. О надписи про спасение. «Кто этот мальчик? Почему мама никогда не говорила, что у неё был брат? Или не брат? И почему лицо...» Она закрыла глаза. Сон подступал медленно, вязко. И тут она услышала. Металлический скрежет. Лязг. Снова — волочащийся звук цепи полу. Анна замерла, вслушиваясь. Звук шёл снизу — из подвала. Она накинула халат, сунула ноги в тапки. Взяла телефон — фонарик. Вышла в коридор, стараясь не скрипеть половицами. На лестнице было темно. Анна спускалась медленно, держась за перила. Фонарик выхватывал из темноты облупившиеся ступени, паутину по углам, тени на стенах. В гостиной — пусто. Лунный свет лился в окна, рисовал на полу бледные квадраты. Портрет Веры на стене казался в этом свете почти живым: строгие глаза словно следили за каждым движением Анны. Звук повторился. На этот раз отчётливее. Из-под пола. Дверь в подвал была закрыта. Задвижка — на месте. Но звук шёл именно оттуда. Анна подошла. Положила руку на холодный металл. Звук прекратился. — Кто здесь? — прошептала она. Тишина. Глубокая, вязкая, неестественная. А потом она почувствовала запах. Лаванда. Густой, сладкий, удушающий — гораздо сильнее, чем раньше. Он шёл из-под двери, просачивался сквозь щели, окутывал её, проникал в лёгкие. Анна отшатнулась. Сердце билось где-то в горле. В

висках стучало. «Это просто запах. Просто запах. Это ничего не значит», — мысленно повторяла она. Но она знала — это неправда. И в этот момент дверная ручка дёрнулась. Сама по себе. Анна вскрикнула и отскочила. Ручка задёргалась сильнее — так, будто кто-то с той стороны пытался вырваться. — Мама! Голос Матвея раздался сверху. Анна бросилась наверх, перепрыгивая через ступеньку. Влетела в спальню. Матвей сидел на кровати. Глаза широко раскрыты, но не испуганы. — Что? Что случилось? — Анна схватила сына, прижала к себе. — Тётя стоит в углу, — сказал Матвей спокойно. — Она говорит, чтобы ты не открывала дверь. Пока не открывала. Анна обернулась. В углу комнаты, там, где тени сгущались особенно плотно, что-то шевельнулось. Тёмный силуэт на мгновение обрёл очертания женской фигуры в длинном платье. Она зажмурилась. Досчитала до пяти. Открыла глаза. Никого. Только запах лаванды — везде, во всём доме, в её волосах, в её одежде, в её лёгких. «Я схожу с ума. Этого не может быть. Этого просто не может быть», — лихорадочно думала Анна. Она уложила Матвея, легла рядом, обняла его. Сын быстро заснул — дети умеют засыпать, даже когда мир рушится. А Анна лежала без сна до рассвета, слушала, как внизу, за запертой дверью подвала, что-то медленно, размеренно волочит по полу цепь, и повторяла про себя, как мантру: «Это просто дом. Просто воображение. Я не стану как мама. Я не сойду с ума. Я не...» Запах лаванды становился всё сильнее. Где-то на границе сознания всплы-

ли слова матери, сказанные много лет назад: «В этом доме есть вещи, которые лучше не трогать. И двери, которые лучше не открывать». Анна вздрогнула. Впервые за долгие годы она отчётливо вспомнила лицо матери — не то, что было в последние годы, измождённое и отстранённое, а другое: молодое, тревожное, с тем же выражением, что на фото в подвале. «Я спасла его. Он в безопасности». Что она имела в виду? Кого спасла? И от чего? Цепь внизу звякнула ещё раз — будто в ответ на её мысли. Анна крепче прижала к себе Матвея. В голове билась единственная мысль: нужно выяснить правду. Что бы она ни скрывала, сколько бы ни пугала. Ради сына. Ради них обоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.